

Наваждение

18+

Фиган Бабаева

Фидан Шахиновна Бабаева

Наваждение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38278320

SelfPub; 2019

Аннотация

Умейте воспользоваться шансом, которую подарила вам судьба. Не поступайте так, как поступил он, бедный парень с темных улиц Баку. Халид ждет вас на страницах своей жизни. Хотя бы вы не покидайте его...

Пролог

Солнечные лучи ярко бьют в глаза. Хочу зажмуриться, ничего больше не вижу вокруг, и тогда одеваю солнцезащитные очки. И не какие-то там обычные. Нет! Вы ошибаетесь, если так думаете. Мои очки фирмы «Ray Ban». Ну как? Уже завидуете? Мой отец купил их мне на прошлый день рождения. Друзья до сих пор завидуют мне...

В моём дворе сейчас тихо. Соседи исчезли, как только начало палить солнце. Кондиционерное королевство подключено к сети, все квартиры охлаждаются, людям хорошо, скоро и работникам электростанции станет еще лучше. Счетчики скачут им на радость.

Я сижу один. Мне тоже хорошо. Наслаждаюсь солнцем и жарой последних августовских дней. Так скажем, устраиваю поминки по лету.

Слышу. Слышу шелест листьев на деревьях. Они шепчут о чем-то, но я не в силах понять. Наверно, я слишком глуп для этого. Да и кто сможет их понять?

Уверен, что не уборщица, которая подметает дороги, а точнее, переносит мусор с одной улицы на другую, или садовник, который бережно поливает газон высокопоставленных лиц, ругая их каждый раз выходя из дома. Нет, они делают это за деньги, им на всё наплевать. И на мусор, и на капризный газон. Никто не умеет слиться с природой и по-

нять её. Разве только это умели делать ученые Средневековья, да их люди потом сожгли, как сжигают всё что-нибудь да противоречащее их морали. И не важно кто станет очередной жертвой, мальчишка с соседнего квартала или Николай Коперник. Не выделяйся и доживешь лет до ста. А для них— главное уничтожить улики, а потом веков через два-три пусть их сколько угодно осуждают внуки, убийцам будет уже наплевать на это. Сами-то давно уже превратятся в жареную картошку фри.

Итак, о чем это я говорил? Ах да, о листьях. Смеею предположить, что листья сейчас ведут тайное собрание. Скоро осень и вот они спорят о том, когда упасть. Когда положить своей жизни конец, чтобы потом вновь появится весной?! Это очень сложный для них вопрос, я уверен.

Расскажу немного о себе. Меня зовут Халид. Я обычный парень, который пропускает школу, болеет за «Варса», и играет в приставку. Таких, как я тысячи на улицах Баку. Куда ни оглянись, там буду стоять я. Твой сын, твой внук, твой молодой человек, муж, любовник— это всё я. И прошу, не спорь!

Но всё же, и это, наверняка, главный пункт, я отличаюсь от них всех. Тем, что моя история перенесена на бумагу и вы сейчас читаете о ней. Не могу похвалиться своим рассказом. Местами грустная, местами жестокая, порой даже отвратительная. Но она моя. Бог дал мне жизнь в 1990 году, и я прожил её, как мог. Правильно или нет, решать даже не вам. А

тем ангелам, что сидят на моих плечах и делают отметки в своих блокнотах.

А если вы уже начинаете уставать от чтения или вам не терпится быстро закончить её, ответ мой один: закрывайте книгу и бросайте в мусорное ведро. Моя история не терпит такой участи, но мне не хочется мучить вас. Могу предположить, что эту книгу вам подарили, может, посоветовали, или вы случайно прихватили её в магазине, не зная даже автора и теперь жалеете о потраченных манатах. В таком случае, извиняюсь.

Моя история нуждается в читателях, которые поймут её, найдут в ней себя, и будут болеть за неё всем сердцем. Надеюсь, я не прошу многого. Просто прочитайте, а выговор вынесите в самом конце. Только слишком строго не осуждайте. Ладно?

Первая глава

– Халид, ай Халид!

Эти монотонные крики не прекратятся, пока я не отзовусь. Который час? Уже, два. Понятно, время обеда.

– Что, мам?– кричу я, чтобы оттянуть время.

– Иди сюда!

Я вдохнул воздуха и на миг представил, что это свежий, чистый воздух, а не та грязь, исходящая от мусорного бака, что располагался совсем рядом. Мусор уже полгода как не

забирают, и людям это, похоже, по барабану. Разленились совсем, и закрыли на это глаза. Только беспокоят уличные собаки, которые каждый вечер устраивают тут свой пир.

Система у нас была дворовая, и десятки квартир ютились вместе. Мне такое расположение всегда напоминало улей.

Я поднялся с места и поплелся в дом. Снял обувь у порога и вошел. По комнатам распространился запах ярпаг долмы. Не люблю это национальное блюдо, но должен признаться, что у мамы он получается замечательно.

Когда я вошел, мама накрывала на стол.

– Что ты там делал столько времени?– спросила она, грозно поглядывая на меня.

Когда она так смотрела, у неё между бровями залегала складка и почему-то вместо того, чтобы бояться, я еле удерживался от смеха, потому что у мамы появлялся комический вид.

– Наверняка, прохлаждался как всегда?– продолжила она, складка всё более увеличивалась.

– Как всегда!– осмелел я и пошел в свою комнату, если её можно было считать своей. Я делил её с младшей сестрой и бабушкой и четверть этой спичечной коробки принадлежала мне.

Дверь была прикрыта и я не постучавшись вошел.

Картина не изменилась и оставалась прежней, как и несколькими часами ранее: моя сестренка зубрила учебники. Утром, днем и ночью. 24 часа в сутки она не выпускала

из рук книги, и тем не менее ей приходилось уделять еще несколько часов сну и приему пищи.

Я подошел к её письменному столу. Теперь она корпела над английским. Вирусом, заразившим весь мир. «Будешь знать английский и тебе открыто будущее!»— твердят все вокруг. Как мало, оказывается, нужно для того, чтобы нам открылось наше будущее! И люди пользуются этим девизом. Выучив «hi», «bye», «bad, good», «fuck» (ругательства на иностранном особенно важны для тех, кто изучает его).

– Аккумулятор пока не сел?— поддразнил я её.

– Отстань!— сказала она и продолжила читать.

Через её плечо я увидел, что она читала статью про Уолта Диснея. И моментально перед глазами пробежал любимый образ – мышь с огромными ушами. Микки. В детстве я был твердо уверен, что в один прекрасный день он придет и заберет меня к себе. В свой мир – счастливый и беззаботный. Я настолько верил в свою мечту, что отказывался выходить из дома, боясь, что он вдруг придет, а меня не будет. Так я и прожил с этой идеей до девяти лет. Но творение Диснея не пришло, и мечта разбилась о тысячи осколков. Но вообще-то это было моим вторым потрясением в жизни. Первой оказалась банальной: правда о Шахта-бабе. И все письма к нему, и стихи о его красном носе, и ожидание того часа, когда появятся подарки и который так и не наступил— всё это оказалось чушью собачьей.

Так я и продолжал жить, сталкиваясь всё с новыми потря-

сениями. Вначале они были глупые, детские, потом переросли во взрослые, сложные и тяжелые, обосновываясь напрочь в моём сердце и отравляя меня изнутри.

– Халид, Айгюн!– услышали мы.

– Отдохни, а то скоро совсем помешаешься!– сказал я сестре.

– Лучше сойти с ума, чем жить здесь!– ответила она и усилием воли покинула своё привычное место.

Я пошел за ней. Мама сидела за столом и уже начала обедать.

– Пока вас дожدهшься!– пояснила она, уплетая одну долму за другой.

Ела она с большим аппетитом, смакуя блюдо. Я положил немного себе и присоединился. Айгюн ковыляла вилкой в тарелке и похоже не хотела есть.

– Доченька, съешь хоть немного!– попросила мать.– Тебе бы на воздух чаще выходить.

Айгюн кивнула и отправила долму в рот. Держу пари, что в её уме строились химические цепочки.

Вдруг дверь открылась и в комнату вошел дед. Пожилой старичок, еле держащийся на ногах. Из-под густых бровей выглядывали глаза, когда-то смотревшие умным и проницательным взглядом. Теперь же они потонули в тумане склероза и взгляд их редко прояснялся до конца. Сегодня он отправлялся на встречу к банкомату, как я любил это называть. К этой встрече дед тщательно готовился, утром он звал ме-

ня, и я брил его лицо и помогал одеться. Потом надушенный и одетый, по его мнению, в лучший свой наряд, он собирался с друзьями, такими же пенсионерами, как и он, и вместе они шли туда. С каждым месяцем проделывать этот процесс ему становилось всё труднее, но он всё равно не позволял забирать его пенсию. Дед говорил, что созерцать, как банкомат изрыгает его деньги еще приятнее, чем смотреть на Флору Кадымову в молодости.

Тогрул-баба сел в кресло напротив нас. Мама предложила тестю обед, но тот отказался.

– Ну что, баба?– поинтересовался я.

– Проклятье!– рявкнул он.– Тридцать пять лет проработать учителем математики и всё коту под хвост.

– Опять ты недовольный?– спросила мать.

– Гюльнар, да за эти деньги я даже сантиметр места не смогу купить на кладбище!

Дед продолжал жаловаться на тему, что в нынешнее время смерть– большая роскошь для бедных людей, а я в это время заметил, как мимо наших окон кто-то прошел. И по моему, я знаю кто. Я сразу встал и выглянул из окна. Четверо молодых людей, наших соседей, находились в беседке, где несколько минут назад сидел я. Они отсутствовали несколько дней и вновь появились. Парни разговаривали и я пожелал стать невидимкой, чтобы узнать о чем они толкуют.

Мама присоединилась ко мне.

– Что там?– полюбопытствовала она и увидела тех парней,

на которых я продолжал пялиться.— А.....Габиль с друзьями вернулся. Бог знает, где они были.

И ту её взор переместился на меня:

— Еще раз увижу, как ты с ними разговариваешь, отцу доложу!

— Я всего лишь поздоровался с ними!

— Марш к столу!— приказала она.

После обеда я вышел во двор. Присел на стул и закурил. Думал о том, как прожил двадцать лет своей жизни. Школа, выпускной, тогда я не поступил в универ и меня забрали в армию. В город Физули. Постоянные выстрелы, атаки и нападения вражеской армии. После ответных атак с нашей стороны враг умолкал, зализывая раны, и через некоторое время появлялся вновь. Эти годы я считаю лучшими в своей жизни. Только в такие минуты осознаешь цену жизни и дружбы. Помню, как мы раскуривали на шестерых драгоценную сигарету, добытую неизвестно откуда. А некоторые сжимали окурок в руках, чтобы хоть как-то утеплить замерзшие конечности. И если бы сейчас меня спросили, в какой отрезок своей жизни я хотел бы вернуться, ответ мой однозначен: в армейский период. Уже прошло чуть больше года с того времени, как вернулся и я до сих пор ощущаю, как со всех сторон взрываются мины...

— Привет, чувак!

Я обернулся. Это был мой сосед. Вагиф. Ровесники, мы дружили с того самого момента, когда смогли выговорить

имена родителей. Разница между нами состояла только в том, что внешностью он был намного светлее меня (мама в детстве называла меня чертенком), после армии он поступил в ПТУ, и он совсем не знал английского языка.

– Что делаешь? Тебя не видно,– сказал я.

Он вытащил сигарету из кармана и тоже закурил.

– Сейчас только приехал из Мярдакяны, там одна стройка ведется, работаю там.

Вагиф еще что-то говорил, но я его не слушал. Мысли мои были направлены на другую тему:

– А ты знаешь, что Габиль приехал?

– Правда?– удивился он.– Не видел его пока.

– Мне тут ребята сказали, что они каким-то бизнесом промышляют. У них, говорят, постоянно теперь деньги водятся,– сказал я почти шепотом.

– Возможно, я точно не знаю. А если тебе так любопытно, сам всё и разузнай у них. Попроси, чтоб тебя приняли в их банду.

И тут Вагиф рассмеялся.

– Совсем не смешно!– ответил я и еле удержался от желания врезать ему по физиономии.

Наступил вечер. Отца еще не было, и я пользовался свободными минутами. Был уверен: завтра он вновь заберет меня в свой магазин. А я просто не выносил торчать там, за прилавками даров азербайджанской земли. Видимо, я был

большим исключением, но у меня не было желания торговать и ходил я туда только из страха, что отец найдет мне другую работу. Например, на стройке. В жару и пыли тащить камни, потеть, как извозчик: ни за что!

Я вытащил из кармана деньги, которые отдавал мне отец каждый вечер, если я спокойно сидел на месте и продавал овощи. Был нормальным мужчиной, как он меня называл. Завтра я вновь собирался стать таковым, так как хотел деньги сегодня потратить. Ни на себя или на друзей. Вот только не смейтесь! Я шел в магазин, где продавались цветы и собирался купить там три красные розы, на большее их количество денег уже не хватало. Знал, как она их любит, знал, как она обрадуется. И сегодня мне вдруг очень захотелось увидеть её светящуюся улыбку.

Купив цветы, я направился к ней. Она жила во дворе напротив моего. С такой же системой расположения квартир, только их двор был чуть поменьше и чище. Мы учились в параллельных классах, но так сложилось, что познакомились, когда заканчивали школу. Она всегда напоминала мне кинодив Индии. Длинные черные волосы, выразительные большие карие глаза, ямочки на щеках и губы цвета её любимых роз. Читатели, если среди вас сейчас есть художник, пожалуйста, нарисуйте её и отправьте мне портрет. Я до сих пор влюблен в эти черты лица и готов любоваться ими до конца жизни.

Пока я служил на благо родины, она дважды срезалась на

экзамене и решила больше времени не терять. Устроилась продавщицей в магазин одежды неподалеку и таким образом помогала своей старушке-матери, с которой осталась совсем одна после кончины отца.

Из окна её дома доносились звуки телевизора, я различил «Новости», и пока подходил к их двери уже был в курсе последних событий. Сделав глубокий вдох, я постучал костяшками пальцев. Никто не отозвался, но я знал, что она уже дома. По рабочему графику она выходила из дома в семь утра и возвращалась в шесть вечера. Хозяйка магазина была их давней знакомой и порой отпускала её еще раньше, чтоб та успевала прибрать квартиру и сварить обед.

Я постучал снова и, наконец, услышал шарканье тапочек. Дверь отворилась и навстречу мне вышла самая красивая девушка мира. Она была в малиновом топе и короткой юбке, открывающий её загорелые ноги.

Она улыбнулась и поздоровалась, своим голосом вернув меня на землю.

– Привет, Наргиз. Как дела?

– Неплохо. У тебя?– спросила она, разглядывая цветы, которые я держал. Я уже было забыл о них, но заметив её взгляд, сразу же вручил розы:

– Это тебе. Просто так.

Она взяла и вдохнула их запах, прикоснувшись щекой к ней. Я пожелал стать этой розой, чтобы почувствовать её кожу.

– Очень мило с твоей стороны. Уже третий раз за две недели.

Мимо нас проходили соседи и переглядывались. Мне они показались не людьми, а тварями, снабженными только глазами, чтобы за всеми следить и кишечником, чтобы переваривать увиденное в сотый раз.

– Хочешь войти?– предложила она.

– А может, прогуляемся?

Я не хотел сидеть у них, а расставаться с ней так быстро я был не в силах.

Наргиз согласилась и вернулась в дом, чтобы оставить цветы и предупредить мать.

– Как Севда ханум?– спросил я, когда мы покинули обитель тварей.

– Хотела бы сказать, что хорошо, но не могу. Боли в сердце не дают покоя.

Мы спускались вниз по улице и приближались к парку.

– Вы были у врача?

– Конечно, она встречает нас, спрашивает о состоянии, исподтишка поглядывая на руки. Но в них так ничего и не появляется и с каждым визитом врач принимает нас с всё с большей неохотой. С другой стороны, я её понимаю. Ей нужны деньги, как и всем нам. Но почему мы должны понимать всех, но никто не постарается понять нас?! Почему все так безжалостны?

Я не знал, что ей ответить, чем помочь. Я промолчал и

пожал плечами. Может, я смогу найти ответ, но только не сейчас. Пока я не готов.

Мы сели на скамью, которая ждала нас в одиночестве. Все остальные были заняты стариками, малышами и зеваками, рожденными на этот свет только для того, чтобы грызть семечки и тупо глазеть на других. Наргиз укрыла плечи накидкой, так как по вечерам становилось прохладнее.

– Врач назначает лекарства, на которых денег у нас нет и никогда не будет. Мама пьет другие, дешевые, но они ей не помогают. Даже не знаю, как быть... Ой, прости, Халид, я нагружаю тебя своими проблемами, – сказала она извиняющимся тоном и взглянула на меня.

Боже, как Наргиз была красива! В этот миг, когда наступали сумерки, поднимался ветер и трепал её шелковые волосы, когда ресницы подрагивали в такт её дыханию – клянусь, я так хотел сделать её счастливой, чтобы она жила той богатой и беззаботной жизнью, о которой всегда мечтала. Я же был никем. Я не мог дать ей всего этого, и я не был не достоин божественного существа...

– Халид, ты меня слышишь?

– Да, всё в порядке, – ответил я и попытался прогнать грустные мысли.

– Спасибо тебе за то, что беспокоишься о нас.

– Мы все беспокоимся за вас. Моя мама, Вагиф, другие...

Она приложила палец к моим губам, прерывая.

– Ш-ш-ш. Мне достаточно твоей заботы.

В ту ночь я никак не мог уснуть. Вертелся из стороны в сторону на койке, но сон отвернулся от меня и не приходил.

Тогрул-баба уже давно спал. Его храп сотрясал комнату, казалось, что он разговаривает с кем-то на непонятном языке. Но я всё своё детство засыпал под этот оркестр, так что уже не обращал внимания на деда. Я повернул голову и увидел, что сестра тоже не спит. Она, как и я, спала на койке, а дедушке была отведена отдельная кровать. Айгюн лежала на спине и смотрела в потолок.

– Тоже не спится?– прошептал я.

Храп деда менял тональность и получалась замысловатая песенка.

– Я устала. Очень устала,– ответила она и мне показалось, что она постарела лет на двадцать.

– У тебя еще целый год до экзамена. Отдохни, пока школа не началась.

– Одноклассницы смеются над моими усилиями. Говорят, что невозможно поступить на врача, если не ходить на подготовительные занятия. А без них действительно сложнее, так как от школы толку мало. Вот и приходится учить всё самой, без чьей-либо помощи.

– Но почему именно медицина?

– Хочу помогать пациентам, у которых ни гроша за спиной, потому что я одна из них.

– Не преувеличивай!

– Это чистая правда, Халид. Без отца и его лавки мы совсем пропали бы.

– Я не позволил бы...

– Дело не в тебе. А в обществе. У тебя нет образования, нет даже работы, в глазах других ты – бродяга. Ты – никто для них. И людям наплевать какой ты на самом деле, их интересуют какой ты на бумагах. Понимаешь, о чем я?

Я вновь вспомнил Наргиз и совесть вдруг проснулась во мне. Она заговорила шепотом, но я уже знал, что она хочет сказать: «Действуй! Наргиз нужны не цветы, а лекарства. Ей нужны деньги. И не только ей». Странная вещь – эта совесть. Как незванный гость, она врывается в мозг тогда, когда её совсем не ждали. Я же в дальнейшем похоронил её, зарыв так глубоко, что не слышал правду долгое время...

Фуад Манафлы, начавший свою юность с работы грузчика в портовых городах России и теперь владеющий небольшим магазином, был моим отцом. Полный мужчина, среднего роста, с усами и прорывающейся сединой на висках; он имел настроение такое же изменчивое, как и ветер в Баку. Порой слишком жесткий, порой мягкий – невозможно было понять под какую ноту попадешь. Судьба била его не раз, но мой отец всегда поднимался и тянул семью. Он никогда не жаловался и не унывал. Воспринимал неудачи со словами «Бывает, ничего» и с надеждой, что в следующий раз такое не случится. А я таким качеством не обладал и моя надежда

угасала так же быстро, как и появлялась. Я или верил, или нет. И с неудачами привык бороться, а не ждать, когда они пройдут.

Не знаю, что сегодня случилось с отцом, но он вдруг решил забрать в магазин не только меня, но и Айгюн. Подозреваю, что это было делом рук мамы. «Возьми дочь с собой, пусть проветрится»— наверно так мама предложила папе взять сестру.

И в итоге Айгюн тащилась с нами в магазин. Недовольная и злая. Её злости хватило бы, чтобы убить весь город.

Отец арендовал на углу улицы маленький магазин. Там продавались овощи и фрукты, а также маринады, которые мама закрывала каждый год. К магазину прилегала комнатка, которую мы использовали, как кухню. Сейчас был конец августа и на прилавках лежали коробки персиков и виноградов. У отца было много друзей из районов и они привозили ему нужный товар. После продажи, отец производил особую операцию, деля деньги на три части: аренда, товар и наконец на семью. Оставалось мало, если учесть, что магазин не всегда приносил прибыль. Но отец не жаловался и считал, что этих грошей достаточно. Он сам был из Губы и владел небольшим участком, где выращивали помидоры, огурцы и еще что-то. Я не помню. Мне это было не интересно.

Отец открыл магазин и велел мне и сестре смотреть за покупателями. Я включил встроенный на стену телевизор и уселся на стул. Отец убедившись, что всё в порядке, ушел.

И я знал, куда. Он торопился в чайхану, чтобы поболтать с друзьями, узнать последние новости и, одним словом, расслабиться. Как и у женщин. Только вот женщины не дымят сигаретами, как паровоз и не ругаются матом. Я был уверен, что он проведет там не меньше часа или двух и вздохнул свободней. Кто бы что ни говорил, но дети чувствуют себя свободней и уверенней, только когда родителей нет рядом. Так же и у родителей.

Зашли несколько покупательниц и взяли с собой столько, сколько могли унести их тонкие руки.

Я совсем было забыл, что в углу сидит Айгюн. Она сидела так тихо словно превратилась в молчаливую статую. Я подошел ближе и увидел, что она читает.

– Химия?– поинтересовался я.

– Вальтер Скотт, «Айвенго»,– ответила она и вновь углубилась в чтение.

Я не стал ей мешать. Уселся вновь на стул. Раньше, учась в школе, я любил читать и у меня даже была тяга к знаниям. Но после неудачной попытки стать юристом, всё желание исчезло. И тяга к знаниям пропала. А после армии я не брал книгу в руки.

Я сидел и смотрел телевизор, пока в магазин не вошел покупатель. И я сразу же узнал его. Это был один из дружков Габиля– Фариз. Пацан лет шестнадцати.

– Привет,– сказал он.

Его хриплый голос и почти желтый цвет лица не понра-

вились мне.

– Привет,– в свою очередь ответил я.

– Габиль сказал, что ты обычно даешь всё по дешевке или почти бесплатно, так что я пришел сюда.

Только один раз Габиль заходил сюда, да и тогда я снизил цену лишь на несколько копеек. Такого я обычно не делал с другими покупателями. Как только они собирались торговаться, я выставлял их вон.

– Выбирай, что хочешь, но цену я тебе не снижу. Ты не Габиль,– заявил я.

Фариз утрасташающе взглянул на меня (или мне так показалось), но затем в уголках рта вдруг появилась улыбка.

– О'кей,– согласился он.

Я собрал ему килограмм яблок и два кило персиков. Меня так и подмывало спросить, и я не выдержал:

– Как Габиль? Его не было видно долгое время...

– Отлично, просто у него прибавилось дел,– ответил он и достал из кармана бумажник.

Я не поверил своим глазам: бумажник был битком набит деньгами. Столько денег я не видел даже у отца!

– Вот,– заплатил он.

– Передай привет Габиллю,– проговорил я и он удалился.

Если у этого дурака водилось столько бумажек, представляю сколько их было у Габилля! И впервые в своей жизни я почувствовал зависть. Признаюсь, нет на свете ничего хуже этого мерзкого чувства. Мне было неприятно, что они ни в

чем не нуждаются. Мне было неприятно, что они теперь стоят выше меня. Черт!

Я не знал, чем они занимаются, как наполняют свои кошельки (уж точно не на стройке) и мне было наплевать, как они это делают. Я просто хотел стать таким же, как они. Примерно через час в магазин вошел отец. От него несло спиртным и я понял, что сегодня в его чашке побывал не только чай. И я не удивился: порой он любил пропускать стаканчик. Я поздоровался с ним, но он не взглянул на меня. Его взгляд был прикован к Айгюн, которая в этот момент перевернула страницу.

– Опять!– вдруг взревел он.– Надоела уже!

Он подошел к ней и с силой вырвал у неё роман. Бросил на пол. Глаза наполнились кровью и в висках пульсировала вена.

– Идиотка! Неужто ты думаешь, что твоё образование здесь кому-нибудь нужно?! В нашей гребаной жизни это никому не нужно!

Он растоптал книгу ногами и весь красный как рак покинул магазин.

Айгюн заплакала.

–Эй, не плачь!– попытался я успокоить.

– Что он наделал?– всхлипнула она.– Эта книга из библиотеки. Как я теперь её верну?

Я поднял книгу и рассмотрел страницы. Одни были помяты, другие разорваны.

– Я тебе куплю новую. И у тебя еще много будет своих книг. Обещаю,– сказал я и впервые за долгое время обнял сестру.

Через несколько часов отец вернулся. Он выспался дома, немного отрезвел и стал почти прежним Фуад Манафлы. Айгюн со страхом взглянула на него, но теперь её папа не представлял для неё какой-либо угрозы. Он чмокнул её, а меня похлопал по плечу, вызвав моё удивление. А затем отправил домой. Кстати, не забыл дать денег.

Когда мы возвращались, я встретил Наргиз. Айгюн пошла дальше, а я остановился, чтобы обменяться банальными фразами и говорящими взглядами. Она сказала, что получила зарплату и завтра собиралась взять мать снова к врачу. «Удачи!»– только это я и смог произнести. Подбодрить пустым звуком, которое ничем не поможет и удачи не принесет.

Мы расстались, но мои ноги желали вновь повернуть в обратную сторону и понестись за ней. словно только в Наргиз была заключена сила моего тяготения. Кто читал учебник по физике в седьмом классе– понимает, о чем я.

Я вошел в квартиру и остановился в дверях гостиной, которая еще служила спальней для моих родителей. Мама сидела в дедушкином кресле и смотрела сериал. Она напоминала зомби в такие минуты. Я всегда удивлялся, как женщины всей страны со всеми проблемами, заботами и пережива-

ниями умудряются бросать все дела и целых два часа витать в мире турецкого производства! А через час подниматься и творить сериал в своей жизни.

Оставив маму, я вышел во двор. Сел в беседке. Чувство голода стало проступать всё сильнее, но я знал, что мама не встанет со своего места во время сериала, даже если в стране объявят чрезвычайное положение. Вы не подумайте, что я не мог за собой поухаживать! Отнюдь нет. Мог даже сварить суп. Научился готовить в двенадцать лет, когда узнал, что Пеле тоже умеет это делать. Тогда я повторял всё, что умел делать мой идеал— любимый Пеле. Но мне было лень вставать и я решил подождать, наблюдая, как умирает день. Я смотрел на небо и в общем был доволен своей жизнью, пока один голос не напомнил мне об одном чувстве, что таилось внутри меня.

— Фариз сказал, что был в твоём магазине,— сказал он почти вызывающим тоном.

Я посмотрел на него. Футболка с изображением Биг-Бена и джинсы. Лицо было покрыто щетиной, но цвет лица был почти такой же, как у Фариза, только чуть бледнее.

— Да, был,— сказал я.

Он сел рядом.

— Мне понравился твой ответ,— улыбнулся Габиль.

— Я снизил бы цену только тебе.

Не знаю, что вдруг нашло на меня, но мне захотелось угодить ему. Понравиться Габилю.

– Приятно слышать, Халид. Ты– хороший парень, и я рад, что мы знакомы. Но я хотел бы узнать тебя поближе, чувак.

Я удивился, услышав его слова. Моментально посмотрел на окно: Храни Господь все турецкие сериалы!

Надо было что-то ответить, но я растерялся. Понимал, что это важные минуты в моей жизни. Возможно, самые важные.

– А зачем ты хочешь, чтобы я стал твоим другом?– спросил я.

– Да этот пацан нравится мне всё больше!– рассмеялся вдруг Габиль.– Я нуждаюсь в помощи, Халид. И знаю, как тебе необходима работа.

– Ты предлагаешь мне работу?

В горле пересохло и я еле произносил слова.

– Возможно. Ты должен согласиться и тогда я тебе всё объясню. Подумай о моем предложении,– он заглянул мне в глаза, еще раз повторил «подумай» и ушел.

Вскоре отец вернулся и мы приступили к ужину. Я смотрел на тарелку супа и вместо плавающих в ней тефтелей видел глаза Габилы. Эти два черных глаза, обладатель, которых вот-вот зацепит меня на крючок. Я предчувствовал это. Мне казалось, что кто-то разделил меня на две части. Одна часть сопротивлялась, могу даже признать, она боялась той неизвестности, что ожидала меня впереди. А другая моя половина упрямо твердила всего одно слово: «Согласись». Ведь с другой стороны, что я терял? Ровным счетом, ничего. Я ничего не имел, чтобы еще потерять. А предложение Габилы

могло пойти на пользу. И имел ввиду я не только себя, но и близких, Наргиз. Если бы я имел хотя бы крошечную долю того, что было в бумажнике Фариза, я смог назвать бы себя счастливым. Ведь только в деньгах кроется если и не счастье, но свобода. И эти слова говорю вам не я, а говорит и доказывает сама жизнь.

– Сегодня приходили по поводу электросчетчика,– заговорила вдруг мать.

– И что?

Отец громко чавкал, прихлебывая суп. Мне было неприятно смотреть на него.

Наверняка, таким образом едят все бедняки. Ведь только они знают цену проглоченной пищи.

– Сказали, что отключат, если не заплатим.

– Мы же заплатили!– удивился отец.

– Но некоторые соседи пока не имеют возможность отдать деньги и поэтому если они не успеют весь двор останется без света.

– Проклятье!– проворчал Тогрул– баба.

У меня сразу же появился вопрос: а платят ли богатые люди за коммунальные услуги? Нет сомнений, что во всяком случае их карманам от этих налогов утраты нет. А здесь же, людям приходится выбирать между едой и светом. Что важнее и что полезнее...

Отец шумно вздохнул и продолжил есть. В это время мне на телефон пришло сообщение. Я быстро взглянул. Вагиф

звал меня во двор. Он не написал зачем, но отметил, что дело срочное. Я хотел уже подняться с места, так как уже наелся. Но в тарелке еще оставалось немного бульона и я знал, что отец не позволит встать мне из-за стола, если даже капля останется в тарелке.

Быстро допив бульон, я поблагодарил мать и удалился, пообещав, что вернусь раньше одиннадцати.

Вышел во двор. И через секунду передо мной появился Вагиф.

– Что случилось?– спросил я.

Он выглядел радостным и довольным.

– Идем, покажу,– коротко объяснил он и пошел куда-то.

Я последовал за ним и мы оказались на улице.

– Что здесь?

Вагиф вдруг подошел к автомобилю марки Жигули «07» и положил руку на капот.

– Ну как?– спросил он.

– Я не понял. Откуда?

– Друг дал. Покататься. Кстати, сегодня у моего двоюродного брата день рождения. Можем поехать туда.

– У тебя ведь нет водительских прав,– возмутился я.– Не хватало, чтобы тебя поймали гаишники.

– Да какие гаишники в это время? Хватит болтать. Садись.

Я взглянул на часы в мобильнике. Была половина десятого. Еще оставалось полтора часа. Нет, не успею.

– Знаешь, Вагиф, езжай сам. У меня не получится.

– Ты сумасшедший, вот ты кто! Идиот... Ладно, давай просто прокатимся. Мне так редко удается порулить. Ну давай.

Я сделал вид, что колеблюсь, но ответ уже был готов.

– Хорошо. Только не долго!– предупредил я.

Он сел за руль, я – рядом. Не застегнув ремни безопасности (ведь гаишников уже нет), мы помчались.

Прохладный ветер врывается в окно и чувство свободы, независимости овладевало нами. Сначала автомобиль ехал медленно из-за того, что улицы были набиты машинами. Но когда мы вышли на трассу, автомобиль достиг скорости 80-100 км/ч.

– Куда мы едем?– спросил я.

– Да я забыл сказать тебе. К моему брату, на день рождение.

– Что? Ты издеваешься?

– Перестань ворчать. Мы отлично повеселимся.

– Я обещал матери...

– А я обещаю тебе, что приду и извинюсь перед ней за то, что задержал. Устраивает?

Его взгляд был направлен на дорогу и машина с каждой минутой набирала скорость.

– Идиот, вот ты кто!– обругал я его.

– Скажешь мне эти слова, когда сожрешь шашлык. Кстати, сам порулить не хочешь, как я тебя учил? Я позволяю,

сегодня я добрый.

– Ты ведь знаешь, что я не умею водить так хорошо, как ты. Не хватало того, чтобы мы опоздали и не успели сожрать шашлык твоего брата.

– Таким ты мне нравишься, чувак! А теперь посмотрим, на что большее способна наша тачка?

И он надавил на газ. Спидометр показывал отметку 120 км/ч. На дороге встречались машины, но Вагиф рулил, как настоящий герой и успевал лавировать между ними.

Я смотрел на улицы и различал закрытые магазины, какие-то склады для хранения строительных материалов. В домах горел свет.

Я взглянул на Вагифа. По лицу катились капли пота. Он напряженно смотрел на дорогу.

– Черт!– вдруг проговорил он.

Я посмотрел на дорогу.

Вдруг из темноты к нам навстречу ехал грузовик. Он появился вдруг, из ниоткуда. Его горящие фары зловеще смотрели на нас.

Сердце забилось так быстро, что я испугался, что умру до того, как мы разобьёмся. Говорят, перед смертью видят самые важные моменты своей жизни, как в замедленной съемке. У меня такого не произошло. По двум возможным причинам: я не умер или в моей жизни важных, запоминающихся событий еще не было. К счастью, произошло первое.

Как только грузовик уже дышал нам в лицо, Вагиф схва-

тился за руль двумя руками и резко свернул с дороги. Он сделал это так быстро, что Жигули отбросило в сторону, как пьяницу. Машина врезалась в дерево. Мы остались в живых... эй, народ, слышите? Грузовик не сумел унести наши жизни! Он промчался дальше.

Несколько секунд, а может и минут, я и Вагиф просто сидели, молча сидели. Не в силах что-либо сказать. В нашу кровь поступила такая доза адреналина, что мы никак не могли прийти в себя. А потом...не знаю, что это было. Но мы сошли с ума. Начали смеяться и расхохотались так, что уже не могли остановиться. Из моих глаз потекли слезы, но я продолжал хохотать. Просто какой-то истерический смех.

– О, Господи!– еле проговорил я и взглянул на Вагифа. У него из носа текла кровь. Вагиф, да ты же ранен!

– Где?– удивился он и посмотрел в боковое стекло. Из-за шока он даже не почувствовал, что ударился лицом о руль. Он не чувствовал ничего, кроме осознания мысли, что остался живой.– Кошмар!

– Не волнуйся. Сейчас нужно промыть рану и...

– Я не о ране, болван!– крикнул он.– Это не моя машина. Что я теперь буду делать? Что я скажу человеку, который мне её отдал?

Я глотнул. Мне вдруг стало не хватать воздуха.

Вагиф выпрямился и вышел из машины. Я тоже вышел. В темноте было плохо видно и он включил фары. Передняя левая часть была помята, а одна фара сломана.

Вагиф судорожно дышал и ничего не говорил. Он был в шоке, в ужасе от того, что его ожидало.

Я боялся произнести хоть слово.

– Садись в машину, – вдруг приказал он. – Едем домой.

Мы сели в машину.

– Что ты теперь собираешься делать?

Вагиф зажигал машину, но она не заводилась. Наконец, с четвертого раза завелась.

Он повернул машину в обратном направлении.

– Этот друг тоже работает со мной на стройке. Господи, теперь я лишусь работы!

– С чего ты взял?

– Он знакомый моего босса. Теперь ему не будет стоить труда вышвырнуть меня оттуда. Это конец.

Вагиф разговаривал сам с собой.

– Теперь он потребует, чтобы я заменил фары, починил машину. Что же мне теперь делать?

– Давай я попрошу у отца денег, – вмешался я. – Скинемся и починим.

– В таком случае твоему отцу придется заплатить полностью всю сумму, так как у меня сейчас ни копейки. У отца паралич, мать совсем плоха. Знаешь, в шестьдесят лет убирать дерьмо с чужих туалетов не очень приятное занятие...

Автомобиль двигался медленно и устало, как больной пациент. Но я всё равно переживал, как бы мы не разбились во второй раз.

Мысли Вагифа крутились в другом месте, а сам он словно исчез. Я впервые видел его в таком состоянии: страх, беспокойство и пессимизм— были не в его духе. Это был не прежний Вагиф. Тот разбился в аварии, а новый не знал, как выкарабкаться из сложной ситуации.

Была полночь, когда он остановил машину у нашего двора. Вагиф высадил меня, а сам поехал, не сказав куда. Он не захотел, чтобы я поехал с ним и я не настаивал. Когда человеку плохо и он в отчаянном состоянии, ему меньше всего хочется, чтобы кто-то был рядом, расспрашивал и глазел.

Я повернул ключ. Дверь щелкнула и я вошел в коридор—кухню. Вокруг было темно. Все спали. Я повернул налево, в крохотную ванную комнату. Я сразу же включил там свет и запер дверь. Здесь находились умывальник, туалет и душевая.

Я встал над раковиной и умылся. Посмотрел в зеркало, которое висело над умывальником. На лбу виднелась царапина и она кровоточила. Я промыл её.

В эти минуты я видел перед собой Вагифа. Мне было так жаль моего друга. Буквально чувствовал его страх и боль. Единственным наказанием для человека является осознание того, что ничем не можешь помочь близкому человеку. Тогда чувствуешь себя чуть ли не предателем. Да, именно так меня можно назвать. В ту минуту, когда мой друг скитался неизвестно где, я сидел дома и промывал рану. Черт, я ненавижу себя за это...

И тут в зеркале я увидел изображение одного человека, он смотрел мне в глаза и улыбался. В ушах звучали его слова: «Подумай, я помогу тебе». Эти слова повторялись и повторялись, они бесконечно звучали в моем мозгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.